

Бриф о положении ЛГБТИК+ людей в Узбекистане в 2026 году

Статья 120 Уголовного кодекса, массовые рейды,
принудительные инвазивные экспертизы
и невозможность эффективной защиты
ОТ ПЫТОК

Бриф о положении ЛГБТИК+ людей в Узбекистане в 2026 году

Статья 120 Уголовного кодекса, массовые рейды, принудительные инвазивные экспертизы и невозможность эффективной защиты от пыток

Период: 2026 год с учётом официальной динамики по статье 120 за 2020–2025 годы

Формат: закрытый аналитический бриф для международной адвокации

Фокус: статья 120 Уголовного кодекса, массовые рейды, пытки и унижающее достоинство обращение, процессуальные нарушения, международные обязательства Узбекистана.

1. Краткое резюме

Положение ЛГБТИК+ людей в Узбекистане в 2026 году характеризуется усилением рисков, связанных с применением статьи 120 Уголовного кодекса Республики Узбекистан. Данная статья криминализирует добровольные сексуальные отношения между мужчинами и предусматривает наказание в виде ограничения свободы от одного года до трёх лет либо лишения свободы до трёх лет.

Официальные данные, со стороны государственной системы показывают резкий рост числа дел по статье 120: 23 дела в 2020 году, 17 дел в 2021 году, 17 дел в 2022 году, 17 дел в 2023 году, 48 дел в 2024 году и 71 дело только за первые 9 месяцев 2025 года. Такая динамика указывает на усиление уголовно-правового давления и требует отдельного внимания со стороны международных механизмов, дипломатических миссий и международных финансовых институтов.

В 2026 году особую тревогу вызывают сообщения о регулярных рейдах в Ташкентской области, где люди арендуют дачи для частного отдыха. По данным мониторинга, сотрудники правоохранительных органов врываются в такие помещения ночью, проводят массовые задержания, требуют разблокировать телефоны, используют личную информацию для угроз и давления, а затем направляют задержанных на принудительные инвазивные (анальные) судебно-медицинские экспертизы.

Эти экспертизы должны рассматриваться не как обычное процессуальное действие, а как форма жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, а в ряде случаев — как пытки.

Таким образом статья 120 является не только дискриминационной уголовной нормой, но и инфраструктурой системной уязвимости, которая создаёт условия для рейдов, угроз, коррупции, пыток и невозможности эффективной жалобы.

2. Основная теория нарушения

Статья 120 создаёт следующую цепочку нарушений:

криминализация частной жизни → страх раскрытия → невозможность безопасной жалобы → рейды и задержания → принудительный доступ к телефонам → использование персональных данных для давления → принудительные экспертизы →

возбуждение уголовных дел → коррупционное закрытие части дел → отсутствие расследования пыток → повторение практики.

Эта цепочка показывает, что проблема не ограничивается отдельными эпизодами полицейского произвола. Речь идёт о системе, в которой уголовная норма создаёт постоянную угрозу для реальных или предполагаемых ЛГБТИК+ людей и фактически лишает их доступа к защите.

Статья 120 должна рассматриваться одновременно как:

- норма, нарушающая право на частную жизнь;
- дискриминационная уголовная норма;
- фактор произвольных задержаний;
- источник пыток и жестокого обращения;
- инструмент вымогательства и шантажа;
- барьер к доступу к правосудию;
- препятствие к доступу к медицинской, психологической и социальной помощи;
- риск для международных проектов в сфере здравоохранения, цифровизации, социальной защиты, занятости, образования, туризма, инфраструктуры и местного развития.

3. Методология и ограничения

Бриф основан на:

1. официальных данных по статье 120;
2. данных мониторинга за 2026 год;
3. сообщениях о трёх крупных рейдах в Ташкентской области;
4. анализе национального законодательства Узбекистана;
5. международных стандартах в сфере запрета пыток, права на частную жизнь, недискриминации, права на адвоката и справедливого судебного разбирательства;
6. анализе мандатов и экологических и социальных политик международных финансовых институтов.

С учётом высокого уровня риска для потерпевших в брифе не раскрываются имена, точные адреса, номера дел, персональные данные и иные сведения, которые могут привести к идентификации людей.

4. Официальная динамика по статье 120

Официальные закрытые государственные данные по статье 120:

Год	Количество дел по статье 120
2020	23
2021	17

Год	Количество дел по статье 120
2022	17
2023	17
2024	48
первые 9 месяцев 2025 года	71

Эта динамика показывает несколько важных тенденций.

Во-первых, в 2021–2023 годах официальные показатели сохранялись на уровне 17 дел в год. В 2024 году число дел выросло до 48, то есть почти втрое по сравнению с каждым из трёх предыдущих лет. В первые 9 месяцев 2025 года было уже 71 дело, что значительно превышает показатель всего 2024 года.

Во-вторых, рост официальных дел не означает, что до 2024 года нарушений было мало. Скорее, официальная статистика отражает только те случаи, которые дошли до стадии регистрации или процессуального оформления. Она не фиксирует задержания без возбуждения дела, угрозы, шантаж, вымогательство, незаконные осмотры телефонов, принудительные экспертизы и случаи закрытия дел через неформальные механизмы.

В-третьих, увеличение числа дел усиливает риск того, что статья 120 используется не только для наказания, но и как инструмент давления. Государственная статистика показывает формальную уголовно-правовую активность, но не показывает скрытый масштаб страха, принуждения и безнаказанности.

В-четвёртых, рост числа дел после 2023 года должен стать предметом отдельного международного запроса. Необходимо установить:

- сколько людей фактически задерживалось по подозрению в нарушении статьи 120;
- сколько дел возбуждалось после рейдов;
- сколько экспертиз назначалось в таких делах;
- сколько дел прекращалось до суда;
- сколько дел закрывалось за отсутствием состава преступления;
- сколько жалоб подавалось на пытки, угрозы, отказ в адвокате и незаконный доступ к телефонам.

5. Рейды в Ташкентской области

5.1. Общий паттерн

В 2026 году зафиксированы сообщения о регулярных рейдах в Ташкентской области, где люди арендуют дачи для частного отдыха. Для ЛГБТИК+ людей такие пространства часто являются одним из немногих способов находиться вместе без публичной видимости и риска немедленного раскрытия частной жизни.

По данным, рейды проходят по повторяющемуся сценарию:

- сотрудники правоохранительных органов прибывают ночью;
- вход в помещение происходит внезапно и силовым способом;
- присутствующим не объясняют их процессуальный статус;
- не предъявляются понятные основания задержания, осмотра или обыска;
- людей унижают, запугивают и фиксируют происходящее на видео;
- у всех собирают телефоны и требуют их разблокировать;
- личные переписки, фотографии, видео и контакты используются для давления;
- людей доставляют в районный отдел внутренних дел;
- доступ к адвокату фактически блокируется;
- после длительного удержания задержанных направляют на принудительные инвазивные (анальные) экспертизы;
- результаты экспертиз используются для возбуждения дел по статье 120.

Такая практика затрагивает сразу несколько прав: неприкосновенность жилища, частную жизнь, тайну переписки, защиту персональных данных, свободу и личную неприкосновенность, право на адвоката и запрет пыток.

Конституция Узбекистана гарантирует защиту частной жизни, персональных данных, тайны переписки и неприкосновенность жилища; вход в жилище, осмотр, изъятие и обыск допускаются только в случаях и порядке, предусмотренных законом, а обыск жилища — на основании судебного решения.

5.2. Три крупных эпизода 2026 года

Известно как минимум о трёх крупных случаях за 2026 год:

- первый случай — задержаны 17 человек;
- второй случай — задержаны 22 человека;
- третий случай — задержаны 23 человека.

Всего речь идёт о 62 задержанных.

После этих рейдов было возбуждено 34 уголовных дела по статье 120:

- 15 дел — по одному из эпизодов;
- 10 дел — по второму эпизоду;
- 9 дел — по третьему эпизоду.

До судебного рассмотрения дошло 8 дел. По меньшей мере 24 дела были закрыты через неформальные и коррупционные механизмы. Статус ещё 2 дел требует дополнительного уточнения.

Эти данные показывают, что рейды используются не только для возбуждения уголовных дел. Даже если дело затем закрывается, человек уже проходит через задержание, унижение, угрозы, инвазивную (анальную) экспертизу, риск раскрытия личной информации и психологическую травму.

5.3. Почему рейды имеют системное значение

Рейды важны не только, как отдельные эпизоды. Они показывают более широкий механизм преследования:

- 1. Частное пространство перестаёт быть безопасным.**
Люди арендуют дачи именно, потому что публичные места небезопасны. Если и такие пространства становятся объектом ночных рейдов, это означает фактическое исчезновение безопасной частной сферы.
- 2. Телефон превращается в источник уголовного риска.**
Личная переписка, фотографии, контакты и сообщения используются, как инструмент давления. Это означает, что человек рискует не только своими действиями, но и своей цифровой жизнью.
- 3. Групповое задержание создаёт эффект коллективного устрашения.**
Даже если уголовные дела возбуждаются не против всех, все задержанные проходят через страх, угрозы, потерю контроля над личными данными и риск раскрытия частной жизни.
- 4. Рейды создают базу для дальнейшего преследования.**
Через телефоны и допросы сотрудники могут получать информацию о других людях, местах встреч, чатах и социальных связях.
- 5. Даже прекращение дела не означает восстановления прав.**
Человек может избежать суда, но не получает признания нарушения, компенсации, расследования пыток или защиты от будущего давления.

6. Детализированный кейс: рейд на дачу с 23 молодыми людьми

Один из наиболее показательных случаев произошёл на арендованной даче, где отдыхали 23 человека в возрасте примерно от 20 до 28 лет. Около 2 часов ночи в помещение ворвались сотрудники правоохранительных органов.

По сообщениям потерпевших, сотрудники кричали, унижали присутствующих, снимали происходящее на видео и создавали атмосферу страха. После вторжения у всех присутствующих были собраны мобильные телефоны. Людей заставляли разблокировать устройства, после чего сотрудники просматривали личную переписку, фотографии, видео, контакты и другую персональную информацию.

Все 23 человека были доставлены в районный отдел внутренних дел и удерживались около 12 часов. По имеющейся информации, им не обеспечили полноценный доступ к адвокату, не дали реальной возможности связаться с защитником, не предоставили

надлежащие процессуальные документы и не обеспечили нормальные условия удержания, включая доступ к воде и питанию.

На следующий день следователь назначил судебно-медицинскую экспертизу. Все 23 человека были доставлены для её проведения. Потерпевшие не имели реальной возможности отказаться, заявить отвод экспертам, потребовать участия адвоката или ознакомиться с постановлением о назначении экспертизы. Добровольное письменное согласие на проведение инвазивной процедуры, по имеющейся информации, не оформлялось.

Сама процедура затрагивала интимную телесную сферу, сопровождалась унижающими вопросами, фотофиксацией, принудительное инвазивное ректальное обследование и присутствием нескольких медицинских работников. В условиях задержания, угроз, отсутствия адвоката и риска уголовного преследования такая процедура не может считаться добровольной медицинской процедурой.

7. Принудительные инвазивные (анальные) экспертизы, как пытки или жестокое обращение.

Принудительные инвазивные экспертизы должны быть прямо осуждены как практика, несовместимая с человеческим достоинством, телесной неприкосновенностью, правом на частную жизнь и запретом пыток.

Такие экспертизы имеют признаки пытки или жестокого обращения по нескольким причинам:

7.1. Государственное участие

Экспертизы назначаются или иницируются в рамках уголовного преследования. Они проводятся по требованию государственных органов и используются, как доказательства по статье 120. Следовательно, речь идёт не о частном насилии, а о действиях, происходящих при участии, по инициативе или с согласия государства.

7.2. Принуждение

Люди направляются на экспертизы после ночных рейдов, задержания, угроз, длительного удержания и отказа в доступе к адвокату. В такой ситуации невозможно говорить о свободном и информированном согласии.

Даже если человек формально не оказывает физического сопротивления, это не означает согласия. В условиях угроз уголовным преследованием, раскрытием личной информации, дополнительными обвинениями или насилием любое «согласие» является не имеющим достаточных правовых оснований.

7.3. Дискриминационная цель

Экспертизы проводятся не для лечения, диагностики или защиты здоровья. Их цель — получение предполагаемых «доказательств» для уголовного преследования по статье, которая применяется к добровольным сексуальным отношениям между мужчинами.

Это означает, что сама цель процедуры является дискриминационной.

7.4. Отсутствие доказательственной ценности

Такие экспертизы не могут достоверно установить факт добровольных сексуальных отношений. Существует медицинский консенсус об отсутствии научной основы у таких экспертиз, а Независимая группа судебно-медицинских экспертов (IRCT) заявляла, что подобное обследование не имеет ценности для достоверного выявления признаков, которые можно было бы связать с добровольным сексуальным поведением.

7.5. Унижение и травматический эффект

Процедура затрагивает интимную телесную сферу, проводится в условиях страха, сопровождается унижающими вопросами и фиксацией процесса. Для потерпевших, это воспринимается, как сексуализированное унижение, психологическое давление и насилие со стороны государства.

7.6. Использование медицины, как инструмента уголовного преследования

Особую тревогу вызывает участие медицинских работников и судебно-медицинских учреждений в таких процедурах. Когда медицина используется не для помощи человеку, а для получения доказательств в дискриминационном уголовном деле, это разрушает доверие к системе здравоохранения и создаёт риск отказа ЛГБТИК+ людей от обращения за медицинской помощью.

Это особенно опасно для сфер:

- профилактики и лечения ВИЧ;
- сексуального здоровья;
- психического здоровья;
- помощи после насилия;
- социальной поддержки;
- документирования пыток.

8. Невозможность эффективного обжалования пыток

Один из центральных выводов: в делах, связанных со статьёй 120, потерпевшие фактически лишены возможности эффективно обжаловать пытки и жестокое обращение.

Формально национальное право содержит гарантии. Конституция Узбекистана запрещает пытки, насилие и иное жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение;

также она гарантирует свободу и личную неприкосновенность. Конституция также гарантирует право на адвоката с момента фактического ограничения свободы и закрепляет недопустимость доказательств, полученных с нарушением закона. Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает пределы принуждения при экспертизе: статья 181 предусматривает, что принудительное использование сложных методов медицинского исследования, а также методов, связанных с сильными болевыми ощущениями, допускается только с согласия лица, подвергнутого экспертизе.

Однако в делах по статье 120 эти гарантии фактически не работают.

8.1. Жалоба создаёт риск самообвинения

Человек, который хочет пожаловаться на принудительную экспертизу, должен раскрыть обстоятельства дела, в котором он сам может быть подозреваемым по статье 120. Это делает жалобу опасной. Фактически потерпевший оказывается перед выбором: молчать о пытке или жаловаться с риском уголовного преследования.

8.2. Жалоба создаёт риск раскрытия частной жизни

Подача жалобы может привести к раскрытию информации о сексуальной ориентации, частной жизни, круге общения, переписках и посещении закрытых встреч. В условиях Узбекистана это может повлечь семейное насилие, увольнение, изгнание из дома, шантаж или общественную травлю.

8.3. Адвокат не допускается в критический момент

Во многих случаях адвокат не допускается именно тогда, когда происходят наиболее серьёзные нарушения: задержание, изъятие телефона, давление, назначение экспертизы и сама экспертиза. После проведения процедуры оспаривать её значительно сложнее.

8.4. Государственная экспертиза проверяется государственной системой

Потерпевший должен жаловаться на действия, совершённые в рамках официального уголовного процесса и официальной судебно-медицинской системы. Это создаёт конфликт интересов и снижает доверие к возможности независимого расследования.

8.5. Коррупционные схемы заменяют правовую защиту

По имеющимся данным, часть дел закрывается через неформальные и коррупционные механизмы. Это может позволить человеку избежать суда, но не даёт признания нарушения, расследования пыток, компенсации, реабилитации или привлечения виновных к ответственности.

8.6. Жалоба может усилить давление

При попытках отстаивать свои права потерпевшие сталкиваются с угрозами привлечения по другим статьям, включая обвинения, связанные с наркотическими средствами. Это превращает право на жалобу в формальность.

8.7. Отсутствие жалоб не означает отсутствие пыток

Именно поэтому отсутствие официальных жалоб на принудительные экспертизы нельзя трактовать как отсутствие пыток. Напротив, оно указывает на страх, криминализацию, риск самообвинения и отсутствие эффективного механизма защиты.

9. Национально-правовая оценка

Описанные практики противоречат базовым гарантиям Конституции и Уголовно-процессуального кодекса Узбекистана.

9.1. Нарушение запрета пыток и унижающего достоинство обращения

Конституция Узбекистана прямо запрещает пытки, насилие и другое жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Она также запрещает медицинские и научные эксперименты без согласия человека.

Принудительные инвазивные (анальные) экспертизы, проводимые после задержания, угроз и без адвоката, несовместимы с этими гарантиями.

9.2. Нарушение права на свободу и личную неприкосновенность

Массовые ночные задержания без ясного процессуального статуса, длительное удержание в районном отделе внутренних дел и отсутствие доступа к адвокату создают признаки произвольного ограничения свободы.

Конституция устанавливает, что никто не может быть задержан или иным образом ограничен в свободе иначе, как на законных основаниях.

9.3. Нарушение права на частную жизнь и персональные данные

Принудительная разблокировка телефонов, просмотр переписок, фотографий, контактов и иной личной информации нарушают право на частную жизнь, тайну переписки и защиту персональных данных.

Конституция защищает эти права и допускает ограничение тайны переписки только на основании закона и судебного решения.

9.4. Нарушение права на защиту

Игнорирование ходатайств о допуске адвоката, проведение следственных действий без защитника и невозможность получить правовую помощь в момент назначения экспертизы нарушают право на защиту.

Конституция гарантирует право на юридическую помощь и доступ к адвокату с момента фактического ограничения свободы.

9.5. Нарушение права не свидетельствовать против себя

Принудительная разблокировка телефона, давление при допросах и принудительная экспертиза фактически используются для получения информации или доказательств против самого человека. Это противоречит логике права не свидетельствовать против себя и презумпции невиновности.

9.6. Недопустимость доказательств

Если экспертиза проведена без добровольного согласия, без адвоката, без предоставления постановления, без возможности заявить отвод экспертам и под угрозами, её результаты должны считаться недопустимыми доказательствами.

Конституция прямо предусматривает, что доказательства, полученные с нарушением закона, не допускаются при осуществлении правосудия.

10. Международно-правовая оценка

Узбекистан является участником Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции против пыток. По данным Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, Узбекистан присоединился к этим договорам в 1995 году.

10.1. Международный пакт о гражданских и политических правах

Описанные практики затрагивают, как минимум следующие положения Международного пакта о гражданских и политических правах:

- статья 2, пункт 1 — обязанность обеспечивать права без дискриминации;
- статья 7 — запрет пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения;
- статья 9 — право на свободу и личную неприкосновенность;
- статья 14 — право на справедливое судебное разбирательство;
- статья 17 — защита от произвольного вмешательства в частную жизнь, жилище и переписку;
- статья 26 — равенство перед законом и равная защита закона.

10.2. Конвенция против пыток

В контексте принудительных экспертиз особенно важны следующие положения Конвенции против пыток:

- статья 1 — определение пытки;
- статья 2 — обязанность предотвращать пытки;
- статья 12 — обязанность проводить быстрое и беспристрастное расследование;
- статья 13 — право на жалобу и защиту заявителя от запугивания;
- статья 14 — право на возмещение и реабилитацию;
- статья 15 — запрет использовать доказательства, полученные в результате пыток;
- статья 16 — обязанность предотвращать другие формы жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Принудительные инвазивные (анальные) экспертизы в делах по статье 120 должны рассматриваться именно через призму Конвенции против пыток, а не только, как процессуальное нарушение.

10.3. Статья 120, как источник пыток и безнаказанности

Статья 120 противоречит международным обязательствам Узбекистана по нескольким причинам:

1. она криминализирует добровольные отношения между взрослыми в частной сфере;
2. она применяется дискриминационно;
3. она создаёт условия для произвольных задержаний;
4. она делает возможными принудительные экспертизы;
5. она блокирует доступ к правосудию;
6. она создаёт риск самообвинения при жалобах на пытки;
7. она подрывает доступ ЛГБТИК+ людей к медицинской, психологической и юридической помощи.

Таким образом, вопрос статьи 120 должен рассматриваться не только как вопрос уголовной политики, но и как вопрос выполнения Узбекистаном международных обязательств в сфере запрета пыток, защиты частной жизни, недискриминации и справедливого судебного разбирательства.

11. Ключевые выводы

1. **Официальные данные по статье 120 показывают резкий рост уголовного давления.**

После 17 дел ежегодно в 2021–2023 годах число дел выросло до 48 в 2024 году и 71 только за первые 9 месяцев 2025 года.

- 2. Статья 120 является не только дискриминационной нормой, но и источником системной уязвимости.**
Она создаёт условия для рейдов, угроз, вымогательства, принудительного доступа к данным, пыток и невозможности обращаться за защитой.
- 3. Рейды показывают массовый характер преследования.**
В трёх известных эпизодах 2026 года были задержаны 62 человека, после чего возбуждено 34 дела по статье 120.
- 4. Принудительные инвазивные экспертизы должны быть осуждены, как форма жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, а в ряде случаев — как пытки.**
- 5. Потерпевшие фактически лишены эффективной жалобы.**
Жалоба на пытки может привести к самообвинению, раскрытию частной жизни, новым угрозам и дальнейшему уголовному преследованию.
- 6. Результаты таких экспертиз должны признаваться недопустимыми доказательствами.**
- 7. Международные финансовые институты должны рассматривать статью 120 и связанные с ней практики, как социальный риск для проектов развития.**

12. Рекомендации

12.1. ООН и международным механизмам

- 1. Поднимать вопрос о соответствии статьи 120 международным обязательствам Узбекистана.**
- 2. Рассматривать статью 120 не только, как дискриминационную норму, но и как фактор, создающий условия для пыток, произвольных задержаний и отказа в доступе к правосудию.**
- 3. Запросить у правительства Узбекистана официальные данные о:**
  - количестве дел по статье 120 за 2025–2026 годы;
  - количестве задержанных в рамках рейдов;
  - количестве судебно-медицинских экспертиз по делам статьи 120;
  - количестве жалоб на пытки в таких делах;
  - мерах по расследованию принудительных анальных экспертиз;
  - количестве дел, закрытых за отсутствием состава преступления.
- 4. Потребовать немедленного запрета принудительных инвазивных (анальных) экспертиз.**
- 5. Потребовать пересмотра дел, где такие экспертизы использовались, как доказательства.**

6. Включить вопрос статьи 120 и принудительных (анальных) экспертиз в повестку Комитета по правам человека и Комитета против пыток.

12.2. Дипломатическим миссиям и международным партнёрам

1. Поднимать вопрос статьи 120 на двусторонних встречах с властями Узбекистана.
2. Отдельно осуждать принудительные инвазивные (анальные) экспертизы, как форму пыток или унижающего достоинство обращения.
3. Запрашивать информацию о рейдах и массовых задержаниях.
4. Поддерживать закрытую адвокацию, чтобы не повышать риски для потерпевших.
5. Увязывать реформы уголовного правосудия с отменой статьи 120 и запретом пыток.
6. Поддерживать независимых адвокатов, психологов и правозащитные группы, работающие с потерпевшими.
7. Создавать каналы экстренной защиты и релокации для людей, которым угрожает уголовное преследование, раскрытие частной жизни, пытки или насилие.

13. Практические адвокационные запросы для встреч

13.1. Для ООН и дипломатических миссий

1. Поднять вопрос статьи 120 как вопрос несоответствия международным обязательствам Узбекистана.
2. Отдельно осудить принудительные инвазивные (анальные) экспертизы, как форму пыток или жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.
3. Запросить у правительства официальные данные по статье 120 за конец 2025 и 2026 годы.
4. Запросить количество назначенных судебно-медицинских экспертиз по делам статьи 120.
5. Поддержать безопасные механизмы жалоб и защиты потерпевших.
6. Поддержать срочную юридическую, психологическую и релокационную помощь.

14. Финальное заключение

1. Официальные данные по статье 120 показывают резкое усиление уголовно-правового давления: после 17 дел ежегодно в 2021–2023 годах число дел выросло до 48 в 2024 году и 71 дела только за первые 9 месяцев 2025 года. Эта динамика не может рассматриваться изолированно от сообщений о рейдах, массовых задержаниях, принудительном доступе к телефонам, угрозах и принудительных инвазивных экспертизах.
2. Статья 120 является не только дискриминационной уголовной нормой. Она создаёт инфраструктуру страха, в которой ЛГБТИК+ люди не могут безопасно обращаться за защитой, сообщать о насилии, оспаривать пытки, защищать свои персональные данные или пользоваться медицинскими и социальными услугами без риска уголовного преследования.
3. Особенно опасно то, что принудительные инвазивные (анальные) экспертизы становятся частью повторяющегося механизма преследования. Они проводятся в условиях задержания, угроз и отсутствия адвоката; не имеют надёжной доказательственной ценности; нарушают достоинство, телесную неприкосновенность и запрет пыток.
4. Главная системная проблема заключается в невозможности эффективного обжалования. Человек, переживший такую экспертизу, не может безопасно пожаловаться, потому что сама жалоба может привести к уголовному преследованию, раскрытию частной жизни, угрозам семье, утечке персональных данных и дальнейшему давлению. Поэтому отсутствие официальных жалоб не должно восприниматься как отсутствие пыток. Напротив, оно указывает на страх, недоверие к государственным механизмам и отсутствие эффективной защиты.
5. Вопрос статьи 120 должен быть поставлен, как вопрос несоответствия международным правовым обязательствам Узбекистана. Принудительные инвазивные (анальные) экспертизы должны быть немедленно запрещены и осуждены. Все случаи их применения должны быть расследованы, результаты таких экспертиз должны быть исключены из доказательств, а потерпевшие должны получить защиту, реабилитацию и доступ к правосудию без риска уголовного преследования.